

СОВЕТСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Нарастающая волна активности наций в Советском Союзе подталкивает многих обозревателей как в Москве, так и на Западе к апокалиптическим выводам. Одни считают возникающие волнения предвестником конца советской многонациональной империи, другие стимулом к окончанию перестройки и, возможно, отстранению от власти ее инициатора. Хотя в конечном счете эти оценки могут оказаться пророческими, чрезмерное внимание к ним в настоящее время отвлекает от более конкретного явления — отмирания „национального вопроса” в том виде, как он ранее трактовался в СССР, и явного формирования советской национальной политики нового образца.

Даже сейчас, термин „национальная политика”, когда речь идет о советской системе, звучит странно. Еще недавно национальные проблемы обсуждались в рамках „национального вопроса” — концепции, имевшей идеологическую нагрузку, что устанавливало жесткие пределы обсуждения и обычно запрещало открытое признание реальных проблем. Если учесть, что Москва к тому же обладала подлинной монополией на средства политического воздействия, то, в конечном счете, это означало, что многие нации в Советском Союзе не имели ни права, ни политических средств для сколько-нибудь значительного влияния на национальную политику.¹ Москва принимала решения „за закрытыми дверями”, на основании собственных расчетов, тщательно скрывая все противоречия и используя политическое, экономическое и физическое преобладание для навязывания нерусским народам своей воли.² При Горбачеве это положение

стало меняться. Хотя Москва все еще придерживается точки зрения, что „национальный вопрос” в узком смысле этого слова был решен, уже не соблюдаются многие табу, налагавшиеся этим идеологическим принципом. Советские руководители от Горбачева и ниже признают как само собой разумеющееся существование серьезных национальных проблем, и, что особенно важно, непосредственно вовлеченные стороны ныне принимают участие в решении этих проблем. Как следствие, Горбачев сознательно или неосознанно выпустил из рук Москвы некоторые формы политического воздействия на нерусские республики. В результате, по крайней мере некоторые нации теперь обладают правом и средствами политической деятельности, хотя Москва и сохранила за собой какое-то преимущество.

В этой статье я намерен обрисовать в общих чертах это новое для Советского Союза явление. Прежде всего необходимо ответить на три вопроса:

как случилось, что политика Горбачева изменила ситуацию, сделав нормальным немислимое всего несколько лет назад?

Каковы возможности главных действующих сил, какую стратегию они используют, и каковы границы их возможностей в новой политической атмосфере защитить свои интересы?

Какие силы в советской политической системе заинтересованы в укреплении новой национальной политики, какие силы ей противостоят и каким будет соотношение сил в будущем?

Отвечая на эти вопросы, я надеюсь показать, что перемены в советской системе, сделавшие возможной качественно новую активность на национальной почве, могут создать основу для эволюции советской системы от обоих вышеупомянутых апокалиптических вариантов.

ИЗМЕНЕНИЕ ПРАВИЛ ИГРЫ

Как заметил советский специалист по национальным проблемам, Горбачев мог начать перестройку с национальных отношений, однако он предпочел начать с экономики и политики.³ И это не удивительно: у Горбачева до прихода к власти было весьма мало опыта и компетенции в национальном вопросе, и у многих из его нынешнего окружения в советском руководстве

также не было никакого опыта в этой области. Если бы Горбачев и другие руководители лучше понимали, каким образом многонациональный характер страны скажется на реформах и наоборот, возможно, они бы не столь рьяно жаждали идти на политический риск, связанный с перетряской системы. Именно потому, что внимание Горбачева не было сосредоточено на межнациональных отношениях, и он не сформулировал четко принципы своей политики в национальном вопросе (что всегда делали его предшественники), его реформы оказали особенно большое влияние на различные национальные единицы СССР.⁴

Значительные последствия для национальной политики имели все три главные императивы внутренней политики Горбачева: курс на смягчение насилия со стороны государства и расширение гласности; президентский стиль руководства, включающего элементы представительства; стремление к эффективности, подминающее под себя все остальные ценности, и, наконец, антиидеологическая позиция в целом.

Снижение роли насилия в советском обществе и „новое мышление” Горбачева во внешней политике, с отказом от большей части доводов в пользу применения насилия, способствовали взрыву общественной активности по всему Советскому Союзу и вызвали радикальные перемены в отношениях между руководством нерусских республик и Москвой, а также — между руководством республик и их населением. Показателем этих изменений может быть учащение манифестаций. До Горбачева мало кто рвался участвовать в публичных протестах, поскольку серьезные последствия были неизбежны, шансы на успех равны нулю. Между 1956 и 1985 гг. в Советском Союзе в среднем каждые 18 дней проводились демонстрации, но в большинстве случаев в них участвовало менее дюжины людей, и посвящены они были таким элементарным проблемам как права человека. Со времени прихода Горбачева к власти многое изменилось, риск наказания за участие в демонстрациях сократился, а шансы добиться выполнения выдвинутых требований резко возросли, поскольку Москва и руководство республик стали проявлять готовность к переговорам с демонстрантами. Теперь в Советском Союзе в среднем каждые три дня происходит демонстрация, и средняя численность их участников измеряется тысячами.⁵

Особенно важно, что постоянно возрастает доля демонстраций по национальным мотивам — это отражает национальную основу системы, рост национального самосознания, а также относительную слабость других форм коллективного самосознания, что объясняется политикой прежнего советского руководства.

Еще значительнее перемены в отношениях между руководителями республик и Москвой, а также между ними и населением их республик. В атмосфере догорбачевского времени, когда важную роль играли методы принуждения, республиканское руководство было более зависимым от вышестоящих инстанций, чем от нижестоящих, и отвечало лишь перед вышестоящими. Москва беспрепятственно снимала и назначала руководителей республик, а нижестоящие массы легко принуждали к покорности. Это означало, что Москва могла полагаться на республиканскую элиту, предоставив ей проконсульские полномочия. Навязывая свою политику, она при этом отводила народный гнев от центра. Ныне ситуация изменилась. По словам одного автора, „аппарат, который умел только командовать, теперь должен научиться искусству убеждать”.⁶ Руководство республик, чтобы сколько-нибудь успешно выполнять свои функции, должно все больше прислушиваться к мнению нижестоящих, а следовательно, оно становится все менее ответственным перед вышестоящими инстанциями. Один из примеров — назначение на пост первого секретаря компартии Казахстана в декабре 1986 г. Геннадия Колбина, русского, что вызвало широкие протесты казахов. За время пребывания на этом посту Колбин проявил себя больше казахом, чем его казахский предшественник. Колбин отстаивал интересы республики значительно более рьяно, чем когда-либо мог себе позволить Динмухамед Кунаев. Колбин защищал республику от критики центра и выступал как специалист по национальным проблемам казахов, а также поволжских немцев — крупного национального меньшинства Казахстана.⁷ Другой пример — Армения и Азербайджан. Москва попыталась навести там порядок путем смены руководства этих республик, но новые люди, поставленные Москвой, очень скоро стали формулировать те же идеи и в тех же самых выражениях, за которые были сняты их предшественники, потому что, не сделав этого, очень скоро оба руководителя

оказались бы несостоятельными. Изменение в отношениях между Москвой и республиканскими лидерами проявилось даже у таких консерваторов, сохранившихся от брежневской эпохи, как первые секретари Украины и Молдавии Владимир Щербицкий и Семен Гроссу. Им обоим пришлось пойти навстречу по крайней мере некоторым национальным устремлениям, дабы руководить сколько-нибудь успешно.

Похоже, что Горбачев не предвидел подобного оборота событий. Однако это было только начало. Кроме того, что это вынудило республиканских руководителей подстраиваться под интересы населения своих республик, отсутствие на местах представителя коренной национальности — исполнителя воли Москвы чревато нарастанием межнациональных трений и лишает Москву должной гибкости в выборе средств в условиях, когда ситуация грозит выйти из-под контроля. Это отразило решение Москвы ввести военное положение на территории большей части Армении и Азербайджана в 1988 г., которое одновременно было реакцией на демонстрации, забастовки и групповые насильственные действия.

По мере снижения роли средств принуждения, Горбачев расширял гласность — открытые дискуссии практически по всем вопросам. Эта политика, сосредотачивая внимание общества на проблемах прошлого и настоящего, ведет к росту народного возмущения и обостряет межнациональные противоречия и конфликты. Утверждение, что все явления, которые были обнародованы гласностью, были известны советским гражданам, но только они не могли об этом говорить вслух, попросту неверно: большинство, вероятно, понятия не имело о масштабах этих явлений, а порой даже о фактах и событиях. Более того, в советской истории практически нет ни одного крупного события, обсуждение которого не вело бы к обострению межнациональных отношений. Коллективизация, например, выглядит иначе, если смотреть на нее с Украины и из Казахстана, где в результате этой акции погибли миллионы, нежели из Москвы, обеспечившей русских рабочих питанием через систему пайков. Даже Великая Отечественная война, которую Москва рассматривает как доказательство нерушимого единства народов СССР, для прибалтийских народов означает потерю их независимости

в результате пакта между Гитлером и Сталиным. Любопытно рассмотреть в этом плане организационную систему советской прессы. В значительной степени она выстроена не по функциональным, а по этнолингвистическим и этнотерриториальным структурам. В результате пресса склонна поставлять каждой нации информацию, вписывающуюся в картину мира с точки зрения национальной перспективы. Пресса зачастую стимулирует национальную активность информацией об успешных демонстрациях. Так казахстанская печать отмечала, что после декабрьских демонстраций 1986 г. в Алма-Ате, в республике меньше высокопоставленных чиновников Казахстана утратили свои посты, чем в соседних республиках, где демонстраций не было.⁸

Второе важное решение Горбачева — ввести президентское правление и поощрять участие масс в политической жизни — вызвано слабостью его позиций в среде партийной и государственной бюрократии и его собственным ощущением возможности успешных обращений к населению как к своим согражданам через головы всех остальных. Это подтверждается неоднократно проявлявшимся публично его раздражением по поводу демонстраций представителей нерусских наций. Этот антибюрократический подход имел крупные последствия. Во-первых, ослабление влияния некоторых центральных министерств и соответствующих отделов ЦК партии, что расширило возможности независимых действий республиканского руководства. Например, республика быстро хлынула в брешь, возникшую после роспуска прежнего министерства внешней торговли в Москве. Во-вторых, нападки Горбачева на республиканскую бюрократию и сокращение на 50% штатов некоторых республиканских министерств и парторганизаций вызвали широкое недовольство.⁹ Кое-кто из уволенных не смог найти себе нового применения, и не исключено, что по крайней мере некоторые употребили свои политические и бюрократические навыки в помощи активистам национальных движений для борьбы с системой.

Стремление Горбачева избежать всего, что могло бы поставить под вопрос его программу демократизации или оскорбить его ведущих сторонников в Москве и за границей, а также его стремление мобилизовать население против бюрократических

пут тоже имели важные последствия в национальной сфере. Ему пришлось поддерживать практически все формы активности масс, по крайней мере — на первом этапе, когда более трезвый подход мог направить ее в другое русло, а в тех условиях увеличилось число активизировавшихся наций. Поскольку отношение центра к некоторым народам, например, к армянам и прибалтам, было несколько терпимее прежнего, они стали переходить границы дозволенного Москвой, после чего оттуда резко натягивали удила. Это создавало атмосферу всеобщей неуверенности относительно самого ближайшего будущего.

Хотя угрозы Горбачева о границах дозволенного выглядели не очень убедительно, ему повезло, что у него есть коллеги, которые умеют делать это. Мы покажем, что это сдерживало центробежные силы, которые он привел в действие. В то же время, некоторые политические реформы способствовали изоляции экстремистов. В Ленинграде, например, кандидат от „Памяти” потерпел серьезное поражение на выборах в избирательном округе, населенном преимущественно русскими рабочими, где, как все предполагали, он должен был добиться успеха. Но он не сумел убедить избирателей, что сможет успешно представлять их интересы, что сумел сделать его соперник, оказавшийся в конечном счете победителем.¹⁰ В прибалтийских республиках народные фронты обычно выставляют кандидатов умеренных или даже более осторожных, чем их последователи.

Третьим важным пунктом горбачевского пакета является его упор на эффективность, его практически антиидеологическая позиция. В конечном счете это работает против каких-то, если не всех, требований нерусских национальностей. Например, Горбачев резко сократил программу гарантированного представительства в управленческом аппарате и академическом мире для лиц коренных национальностей на том основании, что она неосостоятельна и является „дискриминацией наоборот”.¹¹ Он раскритиковал главные „гигантские” проекты, типа поворота сибирских рек, и даже добился отказа от них. Против этих проектов возражали русские. Они влетели бы в копеечку и предполагали крупное межрегиональное, а следовательно — и межнациональное распределение ресурсов. Горбачев поддержал идею республиканского хозрасчета, отчасти чтобы заставить республики

платить за себя самим. Если этой политике суждено когда-нибудь осуществиться, она породит совершенное новое соотношение победителей и проигравших, что, в свою очередь, вызовет разного рода протесты.

Хотя Горбачев называет себя марксистом-ленинцем, его нападки на марксистско-ленинскую теорию и на многое в советской истории, равно как и его общий технократический подход поставили под вопрос легитимность принципа многонационального советского государства и открыли дорогу различным политическим вариантам и формам деятельности, которые прежде идеология объявляла вне закона.¹² Марксизм-ленинизм не только легитимизировал СССР как государство, но и служил уздой для нерусского национализма и многих проявлений великорусской самоуверенности. По мере того как ограничения, накладываемые марксизмом-ленинизмом, слабеют или вообще исчезают, и русские и нерусские, похоже, активизируются в изучении своеобразия своего прошлого и вовлекаются в деятельность, которая приводит к обострению межнациональных трений. В условиях отсутствия институционализированной защиты небольшие народы будут обречены на несоизмеримо большие страдания более многочисленными и все менее сдерживаемыми русскими. Такое развитие событий будет усугублять делигитимизацию режима в глазах представителей нерусских наций, что может повлечь возврат к репрессиям, на этот раз в условиях правления русских националистов.

Однако ослабление марксистско-ленинской идеологии имеет и положительные последствия как в официальной, так и в неофициальной сферах. Официально это позволяет режиму рассматривать гораздо более широкий спектр вариантов решения стоящих перед ним проблем.¹³ Так, например, Москва использовала индийскую практику установления прямого контроля в беспокойных национальных регионах, когда ввела прямое правление в Нагорном Карабахе в январе 1989 г. Правительственные чиновники пошли на риск экспериментирования с различными формами национальных организаций, которые они в иные времена, вероятно, отвергли бы. Например, было разрешено создавать экстратерриториальные культурные автономии, что позволило людям, живущим за пределами основной

территории, на которой проживает их нация, создать какие-то культурные институты на родном языке, что до того считалось идеологически подозрительным. По ту сторону официальной сферы выгоды отказа от жесткого марксизма-ленинизма оказались еще более значительными. Все народы получили возможность изучать те аспекты их истории и самобытности, которые прежде были за пределами дозволенного идеологией как, например, религия, или формулировать новые идеи на основании источников, которые марксизм-ленинизм объявил бы чуждыми.

Вкупе эти три императива завели мотор новой системы, которую можно было бы описать как форму политики в национальном вопросе, хотя при этом сама система все еще не институционализирована. Горбачевский подход в целом дал различным нерусским нациям важные политические средства иного, хотя и важного, рода — в первую очередь, речь идет о сфере информации, а также санкцию на ведение политических переговоров на разных уровнях. Более того, его терпимость по отношению к выражению иных точек зрения означает, что было позволено вновь поднять многие старые проблемы и мобилизовать массы. Его политика сама по себе породила новых победителей и новых проигравших, многие из которых явно полагают, что им следует действовать быстро, прежде чем защищать или противостоять новой ситуации станет слишком поздно.

РАЗЫГРЫВАЯ ИГРУ

Разнообразие наций, которые среагировали на эти перемены, породило огромное многообразие их реакций. Практически все национальности СССР, которых более ста, стали действующими лицами на политической сцене. Они применяют самые разные тактические приемы — от забастовок и демонстраций, до дискуссий по поводу конституции и организации выборов, а также используют закулисные маневры. Однако простое перечисление всех таких акций наверняка спрячет лес за деревьями, а любая попытка втиснуть их в одну аналитическую схему приведет к упрощению сложной и постоянно меняющейся ситуации.¹⁴ Во избежание этого, возьмем на вооружение структурно-функциональный подход, чтобы выявить все подспудные

структуры, не претендуя на их исчерпывающее объяснение. Сначала рассмотрим, как горбачевские реформы изменили специфические характеристики трех крупнейших участников нынешних политических игр: народов нерусских, русских и Москвы, каковы политические средства и ограничения каждой из этих сил, а затем рассмотрим стратегические линии, которые эти игроки проводят каждый для достижения своей цели.

Однако предварительно, во избежание недоразумения, я хотел бы сделать три общих замечания:

1. Хотя функциональная позиция каждого из игроков отличается от двух остальных, ни один из них не является внутренне однородным, и у каждого есть противники в своей собственной группе и союзники в других. В результате переплетения всех этих линий и возникла нынешняя система межнациональных отношений. Например, многие представители литературных элит нерусских народов солидаризируются с Горбачевым, тогда как консервативные партийные лидеры республик объединяются с московскими консерваторами,¹⁵ а реформисты в нерусских регионах рассматривают возможность различных альянсов с русскими реформистами вплоть до готовности принять эстонского Колбина.¹⁶ Тем не менее, я считаю, наиболее продуктивным с функциональной точки зрения изучение каждой группы в отдельности, поскольку это поможет понять нынешнюю модель советской национальной политики и предсказать дальнейшее ее развитие.

2. Напомню, что политические игры в национальной политике требуют какого-то распределения возможностей между игроками, но эти возможности не обязательно должны быть равными и не являются установленными раз и навсегда. В Советском Союзе нет ни равенства возможностей, ни их стабильности. Позиция Москвы по-прежнему остается ведущей, и ее лидеры могут положить конец нынешней этно-политической игре в любой момент. Этот бесспорный факт налагает очевидные ограничения на политику нерусских народов. Тем не менее Москва не прерывает эти игры, поскольку это нанесло бы огромный политический ущерб и внутри страны и за рубежом, и это создает основу, пусть и хрупкую, для участия нерусских народов в формировании национальной политики. Эти возможности возникли в течение нескольких последних лет, и дальнейшее

развитие новой национальной политики скорее всего будет представлять собой чередующиеся расширения и сокращения этих возможностей. В такой ситуации все участники будут постоянно испытывать на прочность пределы дозволенного, и допускать ошибки, что делает вероятным взрывы, которые могут подорвать систему в целом.

3. Формы национальной политики весьма многообразны и всякий ее участник использует одновременно по несколько ее форм. В догорбачевском времени руководители национальных целых тоже пытались оказывать давление с целью добиться желательных перемен, но им приходилось действовать, главным образом, за кулисами, и у них не было для этого почти никаких средств, кроме личных связей, так что их усилия редко приносили успех. Теперь, когда они могут „пойти в парод“, мобилизуя его, к примеру, на уличные выступления, существует опасность, что только такое общественное участие и может быть замечено „сверху“, тогда как другие формы активности будут незамечены или недооценены. Это уже не раз приводило в недоумение как участников, так и наблюдателей. Так, в феврале 1989 г. Литовское движение за перестройку „Саюдис“ заявило, что его целью является независимость Литвы, а вскоре после этого сняло своих кандидатов, баллотировавшихся на выборах против представителей высшего руководства республики, тем самым практически обеспечив последним победу. Одна из интерпретаций этого события такова: призыв к независимости был искренним, а последовавшее за ним снятие кандидатур явилось попросту результатом давления из Москвы. Однако правильнее было бы рассматривать эти события как часть процесса сложных переговоров, во время которых руководство „Саюдиса“ сначала сделало шаг к укреплению своей политической базы, а затем пошло на уступку ради укрепления своего влияния на республиканское руководство и сокращения в дальнейшем роли Москвы в республике. Следить за траекторией полета сразу нескольких мячей одновременно – дело нелегкое как для игроков, так и для зрителей, однако именно этот момент придает нынешней советской национальной политике столь интригующий характер.

НЕРУССКИЕ НАРОДЫ

Из трех главных сил, участвующих в национальной политике, наиболее раздробленной является нерусская половина населения Советского Союза, которую составляют более 100 национальностей, каждая из которых, в свою очередь, имеет свои внутренние подразделения, характеристики и цели. Тем не менее, у них у всех есть общие фундаментальные качества, и поэтому для удобства анализа их можно рассматривать как единую команду.

Степень политической активности национальностей зачастую можно объяснить специфическими характеристиками каждой из них. Так, эстонцы активны потому, что их малая численность не представляет для Москвы больших проблем; их политическая культура склоняет их к общественной деятельности, особенно сейчас, когда давление уменьшилось; и их местное руководство прежде подвергалось менее жесткому контролю сверху, чем руководство некоторых других республик, а следовательно оно более готово к формулированию национальных требований и мобилизации населения. Другой пример — меньшая активность украинцев. Их до сих пор относительно послушание объясняется тем, что Москва держала этот крупнейший нерусский народ под куда более жестким контролем, чем другие народы; а также тем, что в украинской политической культуре жилка массового участия в политическом процессе не сильна, а представители альтернативных структур подвергались большим ограничениям; и, наконец, чисто организационными трудностями, обусловленными большими размерами республик.¹⁷ Учитывать все эти факторы полезно, это способствует более широкому подходу к проблеме, так как через призму этих фундаментальных факторов просматривается весь спектр национальных проблем нерусских народов.¹⁸ Этот подход будет использован здесь, чтобы объяснить ситуацию и предсказать ее развитие. Нерусские нации СССР будут рассмотрены по пяти параметрам: их размеры (как абсолютные, так и относительные); степень институционализации; политическая культура; специфические проблемы и цели; способность к созданию альянсов через средства массовой информации и други-

ми путями. В каждом случае будет показано, как эти характеристики работали в качестве ограничителей и наоборот до Горбачева и в наше время.

Размеры. Нерусские национальности весьма разнятся между собой по размерам, и это уже само по себе имеет политические последствия. Дюжина народностей насчитывает менее, чем 2 тыс. человек, тогда как украинцев около 50 млн. Как до Горбачева, так и сейчас большие народы, как правило, более преуспевают в политике за закрытыми дверями, где их официальное руководство может торговаться с позиции силы, не создавая при этом впечатление угрозы. Руководство крупных республик гораздо меньше готово к участию в более открытом политическом процессе, во-первых, потому что Москва особенно зорко следит за ними, и, во-вторых, потому что в таких республиках нужно держать под жестким контролем представителей собственных альтернативных политических элит, дабы они не испугали центр. Малые народы, напротив, не очень сильны в закулисной политической кухне, но зато гораздо большего успеха добиваются на открытом поле политической деятельности. Их официальные руководители располагают весьма слабыми средствами для торговли за закрытыми дверями, но поскольку и московское руководство и русские в целом опасаются их активности меньше, чем активности крупных наций, то и у официальных и у неформальных лидеров есть возможности и стимулы использовать формы протеста, которые стали доступными лишь недавно.

Важны и относительные размеры наций. Во-первых, потому что зачастую проблемы национальной политики решаются не между одной нацией и Москвой, а между различными нерусскими нациями. Хотя размеры нации не являются единственным фактором победы, этот фактор часто способствует привлечению союзников или попросту количественному подавлению оппонентов. Во-вторых, некоторые народы, численность которых невелика во всесоюзном масштабе, в своем регионе являются доминирующими и ведут себя скорее как большинство, нежели как меньшинство. Первый случай можно проиллюстрировать длительным конфликтом между узбеками и таджиками в Средней Азии, а второй — поведением коренных народов Прибалтики,

что свидетельствует о возможной перспективе для русских меньшинств в нерусских регионах перейти на статус реального национального меньшинства как с идеологической, так и с институциональной точек зрения. Русские в Эстонии уже сейчас утверждают, что они являются угнетаемым меньшинством, и создают для своей защиты такие же политические структуры, как нерусские в других республиках.

В-третьих, чем многочисленнее является вовлеченная в политическую игру нация, тем серьезнее и опаснее для Москвы ее стремление к национальной самостоятельности или отделению.

Степень институционализации. У этого фактора есть как официальный, так и неофициальный аспекты, и оба могут срабатывать в качестве ограничителей или наоборот, в зависимости от конкретных обстоятельств. До Горбачева официальное признание — наличие национальной территории — означало, что такая нация, по крайней мере, номинально, получала официальных представителей, которые могли проталкивать ее интересы за кулисами. На практике, однако, официальные лица одновременно блокировали прямое участие своих наций в политической игре и сдерживали любую деятельность альтернативных активистов. В результате, в прошлом некоторые народы, не имевшие собственных республик, например, евреи и крымские татары, имели лучшие условия для отстаивания своих специфических национальных требований, чем народы, имевшие свои республики.

Сейчас это положение изменилось.¹⁹ Республиканское руководство стало стремиться к сближению с доминирующей в республике нацией и представлять ее интересы именно потому, что оно не может теперь использовать те средства принуждения, к которым постоянно прибегало в прошлом. Более того, руководители республик могут рассматривать активность масс как полезную для их собственных усилий усидеть в своих креслах (как это показали события в Алма-Ате в декабре 1986 г.) или для проталкивания программ, в которых оно заинтересовано, что, судя по всему, имеет место в Эстонии. В результате ценность республиканского статуса как политического средства весьма повысилась, и не удивительно, что некоторые народы,

не имеющие его, стали стремиться приобрести этот статус сейчас, тогда как другие заинтересованы в реальном углублении своей автономии.

Для оценки подходов разных наций к проблемам национальной политики не менее важную роль играет неофициальный аспект степени институционализации, а именно — имеет ли данная нация культурную, экономическую или какую-либо иную элиту, способную сформулировать ее интересы, предложить заслуживающие поддержки альтернативы и мобилизовать нацию на их поддержку. Практически у всех крупных народов такая элита имеется, но у многих малых наций ее нет. В условиях политики твердой руки этот фактор не был существенным, поскольку политическая роль элитарных групп была весьма ограниченной, но сейчас многие малые народы вышли на политическую арену именно ради обретения такого рода институционализации. Они рассматривают ее как необходимое условие продолжения своего национального существования.

Политическая культура. До Горбачева государственный авторитаризм зачастую поддерживался авторитарной политической культурой многих крупных народов — не только русского, но и нерусских. Там же, где она была неавторитарной, разницу сглаживало насилие. Теперь же, по всей видимости, важнейшим средством в национальной политической игре любого народа стала политическая культура массового участия, в развитии которой, кстати, заинтересован и Горбачев, поскольку это способствует достижению его перспективных целей. Политическая культура массового участия предполагает поощрение активизма и терпимость по отношению к иным взглядам и позициям, развивает способность жить в условиях сложной и непредсказуемой политической ситуации. Однако практически ни у одного народа, за исключением, пожалуй, трех маленьких прибалтийских наций, пока нет полнокровной политической культуры массового участия. Мобилизация масс при отсутствии той степени принуждения, которую прежде обеспечивал кнут, а также на фоне ухудшающегося функционирования экономики, которая могла бы обеспечить пряник, — задача не из легких. Все это может привести к очень серьезным сдвигам, и есть

основания предполагать, что сдвиги эти произойдут быстрее, чем многие ожидают.

Проблемы и цели. До Горбачева возможности нерусских народов открыто обсуждать свои специфические проблемы были существенно ограничены, и цели, отличавшиеся от целей центра, практически были под запретом. Теперь эти ограничения рухнули в результате снижения роли принуждения, расшатывания идеологических структур и расширения свободы республиканской прессы в условиях гласности. Диапазон ныне обсуждаемых проблем и программ огромен — от радикальных до банальных, от угроз в адрес Москвы до поддержки позиции Москвы, от весьма смутных идей и неопределенных заявлений до весьма конкретных требований и целей. Хотя у некоторых республик есть общие проблемы и общие задачи, они перекрещиваются далеко не полностью, что ограничивает как возможность альянсов, так и возможность Москвы отреагировать единой беспристрастной политикой.

Конкретные национальные проблемы и цели в огромной степени определяют способность данной нации к участию в общественно-политической деятельности. В прибалтийских республиках, где программы в целом ясны и просты, массы мобилизуются гораздо легче, несмотря на неудовольствие по этому поводу в Москве. В Средней Азии программы сложнее и поэтому труднее для понимания: среднеазиатам нужен не слабый центр, а сильный, чтобы он мог добиться осуществления их целей. Под этими лозунгами трудно вызвать народ на улицу, и центральные власти могут использовать эту ситуацию с выгодой для себя и против групп, вовлеченных в этот процесс. Простая единая модель национальной политики невозможна. Само открытое признание этой сложности внесло бы необходимую поправку в столь часто выдвигаемое предположение, что у всех нерусских народов конечная цель едина, что все они находятся на разных отрезках одного и того же пути, ведущего к достижению этой цели, и что экстраполяция модели поведения наиболее продвинувшихся наций дает вполне достоверный прогноз поведения остальных наций в будущем.

Альянсы и доступ к средствам массовой информации. Эти факторы тесно связаны между собой и всегда были очень

важными. Поэтому Москва традиционно прилагала все усилия, чтобы ограничить их влияние. Даже до Горбачева широкие альянсы, такие как блок между руководителями республик Средней Азии и московскими строительными министерствами, сформированный для проталкивания проекта поворота сибирских рек на юг, преуспевали куда больше нерусских наций, которые не могли создавать такие альянсы, а нации, у которых имелись чуткие и влиятельные сторонники за рубежом и (или) регулярный доступ к зарубежным средствам массовой информации, такие как евреи, немцы и армяне, получали поддержку и средства, о которых другие не могли и мечтать. При Горбачеве увеличилось число наций, которые стали искать союзников и привлекать внимание к своим проблемам гораздо более открыто, используя для этого советские средства массовой информации.

Это очень важный момент. За последнее десятилетие пресса в нерусских республиках изменилась радикально. Десять лет назад эстонец, например, очень редко узнавал что-либо о событиях на Украине, и то только через московский канал. Теперь же газеты в Эстонии, как и во всех других республиках СССР, обычно ежедневно посвящают колонку событиям в других республиках, и большая часть новостей написана журналистами из этих других республик. В результате каждая национальная группа знает теперь гораздо больше о том, что происходит с остальными, что весьма облегчает установление основы для сотрудничества. К тому же каждое новое политическое решение или новое практическое действие могут рассматриваться как прецедент, а любой дифференцированный подход к республикам — как дискриминация, а это подрывает способность Москвы держать нерусские республики в узде. Не случайно в 1987 г., когда армяне начали кампанию за передачу Нагорного Карабаха под юрисдикцию Армянской ССР, лишь около дюжины других наций стали обсуждать возможность выдвижения аналогичных территориальных требований. Теперь же их число превзошло полсотни и, похоже, будет расти. Нет ничего удивительного и в том, что обнародование правды о подлинных масштабах чернобыльской катастрофы резко активизировало борьбу за закрытие атомных электростанций во всех республиках, где они имеются.

Эти пять факторов, каждый в отдельности, и в сочетании друг с другом, повлияли на то, какие нации и как стали участвовать в политических играх. Анализ этих факторов приводит к заключению, что самая драматическая форма национальной активности — массовые демонстрации и всеобщие забастовки, вероятно, и впредь останутся уделом маленьких прибалтийских республик и Армении, где имеются традиции политической культуры массового участия и широкая и чуткая аудитория дома и за рубежом, благодаря чему эти нации играют важную роль в горбачевской камлании по изменению Советского Союза и особенно его образа за границей. Другие нации скорее всего для достижения своих целей возьмут на вооружение другие формы политической активности, лучше отражающие их специфические условия и обещающие больше успеха, или же останутся вне политики как феномена, описанного в данной статье. Мне хотелось бы, без всякой претензии на всеобъемлемость, проанализировать наиболее интересные формы политической активности, используемые нерусскими нациями: демонстрации, объединения, манипуляцию средствами массовой информации, создание альянсов и эксплуатацию возможностей, которые дает советская система. И, наконец, мне бы хотелось рассмотреть еще одну форму политической активности, которая, собственно говоря, не относится к национальной политике, но может стать важным сдерживающим фактором в ее развитии, а именно — групповые насильственные акции.

Демонстрации. Самый бросающийся в глаза аспект этой новой политики — массовые демонстрации — нуждается в комментарии для исправления некоторых ошибочных представлений. Прежде всего, массовые демонстрации не являются очень уж точным барометром степени активности нации и ее влияния. Более того, демонстрации могут свидетельствовать о слабости позиции данной нации, быть признаком того, что это единственный способ, которым она может привлечь внимание. Результаты, которых добились крымские татары, свидетельствуют, что иногда демонстрации могут принести успех, но не всегда они показатель успеха. Более того, для национальных групп, не имеющих традиций массового политического действия, забастовки и анонимные насильственные акции — формы выступ-

лений, которые Москве контролировать гораздо легче, — становятся функциональным эквивалентом демонстраций. Следовательно, сокращение числа и масштабов демонстраций, что, вероятно, вскоре произойдет в Прибалтике, будет отражать не снижение национальной мобилизации и влияния, а скорее — их институционализацию. В действительности — если у какой-то группы населения есть другие возможности действовать, демонстрации становятся просто полезным дополнением к ним или способом давления, но не наилучшим способом достижения конечной цели.

Кроме того, демонстрации почти никогда не являются просто выражением народных настроений. Зачастую их организуют несколько групп с разными интересами и не ради одной и той же цели. Классический пример — ситуация на Кавказе в 1988 г. Там демонстрации стремились использовать для защиты своих позиций разные группировки, как для ускорения перестройки, так и с требованиями изменения системы.²⁰ Еще более очевидный пример соперничества при организации демонстраций дала Украина во время визита Горбачева в феврале 1989 г.²¹ Было бы грубой ошибкой считать, что все демонстрации в какой-либо одной республике отражают какую-то одну точку зрения. Напротив, они являются результатом мобилизационных усилий различных групп участников политической игры: Москвы, республиканской номенклатуры, русского и нерусского населения.

Наконец, как уже неоднократно отмечалось выше, демонстрации чаще происходят в поддержку политики Москвы или республиканской номенклатуры, и уже поэтому маловероятно, что они распространятся повсюду. Вследствие заинтересованности Горбачева в Западной Европе, в парусах у прибалтийских народов гораздо больше попутного ветра, чем у других народов, и прибалтам это известно. Это важное свидетельство, что в горбачевской программе внимание западных средств массовой информации и западных правительств уже не раз играло ключевую роль в национальной политике в СССР, и вероятно, это продолжится в будущем.²²

Фактор средств массовой информации. До Горбачева контроль советской системы над населением в высокой степени

базировался на контроле над информацией. Попытки обойти эту монополию через самиздат или другими путями, предпринимаемые маленькими группами активистов, никогда не были успешными, поскольку они не могли выйти на широкую аудиторию. Теперь, благодаря горбачевской политике гласности и экономическим стимулам, которые средства массовой информации получают за то, что привлекают читателей и удерживают их внимание, ситуация стала меняться. Повсеместно между группами, участвующими в политической игре, возникла конкуренция за доступ к своему населению, к другим республикам, к Москве, а также к зарубежной аудитории. Примеров такой конкуренции множество. Я рассмотрю только три: прибалтийскую молодежную прессу, соперничество между армянами и азербайджанцами в Москве и апелляцию узбеков к западной прессе.

Русскоязычная молодежная пресса Прибалтийских республик является самой радикальной в Советском Союзе и имеет наиболее широкую циркуляцию за пределами своего региона. Так, „Советскую Молодежь” ежедневно читают более 100 тыс. человек за пределами Латвии. Почему эти газеты столь популярны? Благодаря их готовности идти на риск, печатая, например, такие публикации как интервью с Борисом Ельциным и Андреем Сахаровым. Эти газеты привлекают внимание населения своих республик, печатая также обширную информацию о массовых движениях. Поскольку эти газеты практически стали рупорами республиканских народных фронтов, не удивительно, что Москва пыталась обуздать их. Наиболее серьезная попытка была предпринята осенью 1988 г., когда власти объявили о прекращении подписки на русскоязычные газеты из Латвии и Эстонии за пределами этих республик. Этот шаг был предпринят по требованию армейских офицеров, которые не могли стерпеть критических публикаций об армии, и секретарей сибирских обкомов, которые ранее конфисковали выпуски газет с ельцинским интервью, что вызвало бурную критику в прибалтийских республиках и за их пределами. Любопытно, что статья, сообщающая об отмене этого распоряжения, была озаглавлена „Молодежную печать читают в Вашингтоне” — это отражало влияние Запада на то, что происходит в прибалтийских республиках.²³

Еще один пример, почти комичный — соперничество между армянами и азербайджанцами в привлечении симпатий к своей стороне других республик, Москвы и Запада во время Нагорно-Карабахского кризиса. Вначале преимущество было у армян; этому способствовала большая армянская колония в Москве, сочувствие русской интеллигенции и имевшиеся контакты с Западом через армянские культурные организации и через постоянное представительство Армении в Москве. У азербайджанцев не было ни одного из этих преимуществ: в Москве живет всего несколько тысяч азербайджанцев, большинство русской интеллигенции было враждебно настроено к ним, и у азербайджанцев почти не было контактов ни с одной страной Запада за исключением Турции. Однако азербайджанцы принялись за работу. Сначала они обосновались в одной районной библиотеке, затем создали Московское Общество азербайджанских аспирантов и студентов, чтобы наладить контакты с западными журналистами. Затем они обратились к турецкому правительству, которое оказало им помощь, открыв доступ в закрытые прежде военные архивы, чтобы найти обоснования права Азербайджана на Нагорный Карабах. Наконец, они начали кампанию зарубежных поездок и визитов в другие советские мусульманские республики с целью расширения поддержки.²⁴ Пока им мало кого удалось привлечь на свою сторону, однако они не прекращают усилий и, возможно, добьются успеха.

Однако, вероятно, самый любопытный пример, такой активности дали узбеки. Они лидируют среди остальных народов в информации о других республиках в своей печати, но лишь недавно поняли важность поддержки их национальных требований зарубежной прессой. Узбекские интеллигенты стали поставлять материалы для „Нью-Йорк Таймс”, несмотря на то, что это вызвало строгую критику. Можно почти с уверенностью сказать, что демонстрация в Ташкенте, в результате которой муфтий Бабахан был снят с поста руководителя Религиозного Управления Средней Азии и Казахстана, не была бы успешной, если бы не были заранее проинформированы иностранные журналисты. Возможно, Москва не была чересчур опечалена отставкой Бабахана, если учесть его плохие отношения с зарубежными мусульманами, но способ, которым он был снят, безусловно, должен был обеспокоить даже тех, кто желал этой отставки.²⁵

Новые организации. По-видимому, в долгосрочной перспективе наиболее успешной стратегией является создание новых политических институтов для мобилизации общественных сил и усиления их влияния на режим. Наиболее интересный тип объединений — народные фронты, начало которым было положено в прибалтийских республиках. Позднее они возникли во многих других республиках, по крайней мере как группы активистов. Хотя народные фронты широко известны, мало кто знает, что собой представляет этот тип объединения горбачевской эпохи. Они не были задуманы как альтернативные партии и вовсе не являются лишь выразителями народной воли. Напротив, — их создание и эволюция отражают переплетение интересов трех сторон. Это прежде всего Москва, заинтересованная в механизме давления на упорствующие республиканские правительства и использующая республики для эксперимента, который впоследствии должен быть распространен повсюду; затем — республиканские правительства, заинтересованные в кооптировании националистов и в предотвращении дальнейшей радикализации населения; и, наконец, представители альтернативных структур, искавшие некую независимую опору, необходимую для успеха диалога с властями. Имеется немало свидетельств, что создание народных фронтов было воспринято без энтузиазма. Один эстонец заметил, что прибалты приступили к созданию этих организаций только после изгнания Ельцина из Политбюро в 1987 г., чтоб хоть как-то изменить партию.²⁶ Однако эти организации в какой-то мере удовлетворяли интересы всех трех сил, но поскольку радикально настроенные представители национальных движений проникли в народные фронты всех прибалтийских республик, эти объединения пошли гораздо дальше, чем ожидалось. Тем не менее, их руководство, если учесть прибалтийские условия, является куда более умеренным и ответственным, чем могло бы быть, если бы, достигнув такой же степени организованности, не получили своевременной поддержки. Во всех трех прибалтийских республиках руководство народных фронтов сейчас играет ключевую роль в национальной политике, сдерживая радикалов, сохраняя свою собственную базу народной поддержки и оказывая давление на власти, которым они иногда идут на уступки, чтобы избежать вмешательства Москвы.

Гораздо более необычен новый тип объединения, мало кому известный, но, возможно, имеющий большое будущее. Это две группы, представляющие так называемые малые народы Севера, — 26 микронациональностей, разбросанных по северным окраинам СССР от Кольского полуострова до Аляски. Эти национальности в политическом отношении были беспомощными: их демонстрации не давали никакого результата, к их жалобам никто не прислушивался, их альянсы с такими высокопоставленными политическими фигурами как Егор Лигачев в целом не оправдали себя. Тем не менее, они важны для Москвы по экономическим причинам — в этом регионе будет сосредоточена большая часть экономического потенциала, развитие которого намечено на следующее десятилетие, и по политическим причинам — Арктика является важной частью горбачевских планов отношений с Канадой, США и Северной Европой. В связи с этим крохотным народам Севера будет уделено столь огромное внимание, что это будет выглядеть почти противоестественно. Невероятный случай имел место три года назад, когда единственная эмигрантка-ительменка опубликовала серию статей в западно-европейской прессе о плачевном состоянии ее родины. Через шесть месяцев Москва провозгласила программу развития этой народности, насчитывающей 1.300 человек. Затраты по этой программе в расчете на душу населения оказались самыми крупными в советской истории. Несколько других таких же народов получили столь же щедрую программу помощи, однако все явно выглядели за ворота.

В июне 1988 г. Москва создала новое административное управление Заполярья для решения проблемы этого региона. В догорбачевские времена создание такой организации ничего бы не изменило. Но в нынешних условиях 26 народов отреагировали на это весьма интересно. В январе 1989 г. они призвали к созданию Ассоциации малых народностей Севера, явно рассчитывая на партнерство на переговорах с новым административным управлением, чтобы то не могло противопоставлять одну народность другой.²⁷ Если такое объединение будет создано, а принимая во внимание тип людей, которые занимаются его организацией, это выглядит весьма вероятным, будущее можно с легкостью предсказать. Управление и Ассоциация будут нужны

друг другу и их взаимозависимость, несомненно, приведет к ситуации вращающейся двери, столь хорошо знакомой всякому, кто изучает политику групп интересов на Западе.

Альянсы. Сформировавшиеся в горбачевскую эпоху альянсы, как показано уже выше, различаются между собой по составу и по целям. Некоторые были созданы внутри республик активистами альтернативных движений и номенклатурой, другие разрослись до всесоюзных масштабов, третьи связаны с зарубежьем. Есть альянсы и официальные, и неформальные; какие-то из них режим поощряет, других — явно боится. Вот несколько примеров. Первый — поволжские татары возобновили усилия по созданию в средневожско-уральском регионе государственного образования с преобладающим татарским населением, основанном скорее на общих интересах, нежели на какой-то общей идеологии, как планировал Султан Галиев в 20-е годы.²⁸ Второй пример: одни национальные группы взялись за обучение других — евреи помогают организовать таджикам в Узбекистане, прибалты обеспечивают инструктаж активистам любого национального движения, желающим воспользоваться стратегией Народного Фронта.²⁹ Третий пример: исходя из опыта армян, подключивших диаспору к поддержке своих требований, практически все нерусские народы проявляют заинтересованность в контактах со своими единоплеменниками в других странах. Азербайджанцы разыгрывают карту с 15 млн. этнических братьев в Иране, а прибалты сделали упор на связи с соотечественниками в США. Четвертый пример. Финансируемые государством межреспубликанские академические и экономические органы зажили полной жизнью, став важным каналом неофициальных контактов. Пятый пример. Все народы осознали символический смысл этих контактов. Не случайно русские из национальных республик стремятся играть на национальных струнах русских в Москве, а когда Москва намеревается принять решение по кавказскому вопросу, азербайджанское партийное руководство отправляется с визитом в Среднюю Азию или принимает партийно-правительственную делегацию из среднеазиатских республик, весьма неделикатно напоминая о связях между мусульманами, которые будут оскорблены, если Москва примет сторону Армении.

Использование системы в своих целях. Вдобавок ко всему вышесказанному, нерусские народы оказались великолепно подготовленными к использованию для достижения своих целей целого ряда возможностей, предоставляемых им системой. Прежде всего, они успешно используют новую избирательную систему и законодательные органы для мобилизации общественного мнения и продвижения своих идей. Любопытно, что при этом пошли в ход практически все трюки, употребляемые на Западе: от махинаций с избирательными округами ради сокращения представительства других групп до публикации специальной литературы для избирательной кампании. Затем, республиканская номенклатура все больше использует советские законы и конституцию для манипуляции системой, зачастую вопреки интересам Москвы. Более того, они научились цитировать Ленина и другие священные тексты, чтобы доказать неправоту центра. И, наконец, пользуясь упадком партии в некоторых республиках, активисты национальных движений внедряют в партийные организации своих людей, или же создают альтернативные объединения, не встречая оппозиции. Для многих нерусских традиционный советский вопрос „кто кого?“ уже означает не „кто кого победит?“, а, скорее, „кто кого кооптирует?“.

Групповое насилие. Хотя насильственные действия, строго говоря, не относятся к национальной политике (по крайней мере в ее интерпретации в этой статье), групповое насилие может играть важную роль в определении возможностей этой политики. Некоторые народы, возможно, могут прибегнуть к насильственным методам для достижения своих целей, спровоцировав вмешательство центра и репрессии против своих оппонентов. Немаловажно, что многие русские не видят явной разницы между групповым насилием и другими формами национальной активности и охотнее поддерживают ту сторону, которая обещает восстановить закон и порядок.

РУССКИЕ

Положение русских осложнено несколькими ограничительными факторами. В течение долгого периода советской истории доминирующая роль русских не признавалась открыто, да

и сейчас об этом трудно говорить. Отсутствие русской республиканской партийной организации означало, что политические цели русского народа или были опосредованы чиновниками, которые исходили в первую очередь из всесоюзной перспективы, или же выражались группировками, находящимися за рамками политической системы. В результате и русские и выступающие от их имени деятели не были правильно поняты и остаются не понятыми до сих пор.³⁰

Русские, составляющие половину населения Советского Союза, оказались незамеченным элементом советской национальной политики. Во-первых, русские, в силу своей многочисленности и характера политической культуры, являются важной опорой стабильности системы. Во-вторых, русские все более втягиваются в национальную политику и заслуженно становятся ее важным элементом. Это, однако, представляет большую опасность для других народов.

Как и два других действующих лица в советской национальной политике (москосское руководство и нерусские народы), русские разделены на множество групп. В настоящее время самое важное разделение — между русскими, живущими в Российской Федерации, и русскими, живущими в других республиках. Как уже отмечалось выше, русские в РСФСР страдают от двух важных ограничений. Поскольку у них нет многих политических и культурных институтов, которыми располагают народы других республик, деятельность русских этими институтами не опосредована. Жизнь русского народа направляют чиновники, которые, даже если они русские, обеспокоены, в первую очередь, всесоюзными проблемами. Затем, деятельность русских, которая, если бы речь шла о другом народе, была бы охарактеризована как национальная, и самими русскими и со стороны воспринимается только в функциональном аспекте, поскольку русские составляют большую часть населения страны и в некоторых важных отношениях считают весь Советский Союз своей страной. Но это ложное восприятие национальной деятельности русских приводит к тому, что только экстремистские националистические группировки рассматриваются как выразители русской позиции. Отсюда знак равенства, который зачастую ставят между „Памятью” и всем русским национальным движе-

нием, тогда как на самом деле „Память” лишь крохотная часть широкого спектра русского национализма и неприемлема для многих русских националистов. Но национальная активность русских в РСФСР, с одной стороны, сводится на нет всесоюзными интересами, а с другой, меньше ограничивается республиканской номенклатурой, чем активность других народов.

Особый интерес исследователя должны вызывать 30 млн. русских, проживающих в нерусских республиках, поскольку они, весьма вероятно, в самое ближайшее время станут активной силой в национальной политике. Они считают республики, в которых живут, частью своей родины, что делает их важной социальной и политической скрепой системы. Но при этом они зачастую реагируют на политику местного национального большинства способами, характерными для нерусских народов. Так, например, русские в прибалтийских республиках создали целую сеть социальных политических объединений для защиты и пробивания своих интересов. Эти объединения могут стать базой национального самоутверждения и для остальных русских. С точки зрения Москвы, русские из нерусских республик являются важным элементом национальной политики, однако слишком откровенная опора на них в условиях, когда роль идеологии, служившей прикрытием русского контроля, резко понизилась, а мобилизация масс продолжается, несет с собой огромный риск, который власти вряд ли пожелают взять на себя. В результате русские, проживающие в республиках и всегда рассматривавшие себя как представителей центра, могут оказаться отрезанными от него или могут считать, что пуповина, связывающая их с центром, перерезана, — это даст тот же самый эффект. Если это случится, русские в республиках радикализуются еще больше и станет труднее удерживать их под контролем.

МОСКВА

Описание московского руководства — третьего и последнего из основных участников политических игр внутри страны — потребует гораздо меньше комментариев. Общее направление горбачевского порыва и проблемы, связанные с ним, уже опи-

саны выше. Здесь необходимо сделать лишь три общих замечания. Во-первых, московское руководство сильно дифференцировано. Это множество игроков, которые стремятся заключить альянсы по интересам и, что еще важнее, между теми, кто связал себя с новой национальной политикой, и теми, кто ее не понимает или не приемлет. В силу позиции, которую Москва занимает в игре, действия этой последней группы немаловажны.

Во-вторых, московское руководство — единственный из трех игроков, которому приходится приспособиться к несколько понизившемуся статусу. Как уже отмечалось выше, эта ситуация является результатом не институциональных и не культурных, а политических перемен. Основные институциональные столпы московского руководства — партия, армия и КГБ. Они по-прежнему твердо стоят на своих местах. В распоряжении центрального руководства разнообразные рычаги для осуществления его воли; и, наконец, Москва остается единственным игроком, в чьих силах положить игре конец в одностороннем порядке. Это дает ей возможность устанавливать важные ограничения масштабов и типов межнациональных отношений.

В-третьих, перед Москвой стоят крупные цели, осуществление которых требует разработки новой стратегии. В интересах центральной власти представлять ситуацию не столь серьезной, как она порой выглядит, и утверждать возможность особой региональной политики. Применение силы в одном районе, например на Кавказе, не означает, что сила будет использована в более широком масштабе, но и терпимость к прибалтийскому активизму не гарантирует терпимое отношение к аналогичной деятельности в других регионах. Короче, Москва должна научиться сосуществовать с многообразием и избегать чересчур резкой реакции на местную специфику.

Власти должны установить ясные ограничения: что позволено, а что нет. Как было отмечено выше, Горбачев относился к этой идее без энтузиазма, но после XIX партконференции (в июне 1988 г.) и особенно — после землетрясения в Армении была создана Комиссия Рыжкова³¹, и Москва пошла на установление таких ограничений. Однако ее неспособность видеть разницу между законными формами политического протеста (которые следовало бы охранять) и незаконными, например,

группового насилия (которое следовало бы подавлять) продолжает порождать проблемы, на что указывают всплески насилия в Средней Азии и Закавказье. Наконец, власти должны направить в иные русла энергию уже сформировавшихся сил путем создания новых общественных институтов и используя такие политические методы как выработка программы действий на будущее, коммуникационный контроль и использование экономических средств и реформы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Сложные политические комбинации в области этнических проблем разыгрывались и в прежние времена, но обычно это происходило за кулисами и чаще – на местном, чем на всесоюзном уровне. В качестве замечательной иллюстрации суровости этих политических игр см. М. А. Гапарян „Ни персидское иго, ни арабские шейхи, ни турецкий ятаган“, „Русская мысль“, Париж, 20 мая 1988 г., стр. 7.
- 2 Закавыченное выражение и описание перемен, произошедших при Горбачеве, взяты из статьи Альгиса Празаускаса „Отчего бунтуют народы?...“ – „Дружба народов“, М., 1988, № 8, стр. 207–208.
- 3 Галина Старовойтова. Дискуссия за круглым столом на тему „Демократия это конфликт“. „Век XX и мир“, М., 1988, № 12, стр. 8.
- 4 См. Paul Goble „Gorbachev and the Soviet Nationality Problem“. „Soviet Society Under Gorbachev“ M. Friedberg and H. Isham, Eds., Armonk, NY, pp. 76–100. Ср. Ann Sheehy. „Non-Russian Representation in the Politburo and Secretariat“, Radio Free Europe–Radio Liberty Research (далее – RFE–RL), Radio Liberty Research (Munich), RL 439/87, Oct. 20, 1987, and „Upping Russian Representation in Soviet Parliament“, *ibid.*, RL 474/88, Oct. 31, 1988.
- 5 Эти подсчеты основаны на неопубликованном исследовании Людмилы Алексеевой „Массовые выступления в СССР“, 1987 г., а также на репортажах независимых журналов „Экспресс-хроника“ и „Гласность“. Сведения из последних двух источников для удобства пользования еженедельно суммируются в парижской „Русской мысли“.

- 6 „Rigas Balss“ Riga, 4 октября 1988 г.
- 7 См. замечания Геннадия Колбина в „Известиях“ от 24 июня 1988 г., а также „Freundschaft“. Целиноград, 5 июля 1988 г.
- 8 Колбин прозрачно намекнул на это в „Известиях“ от 24 августа 1988 г. См. также „Казахстанскую правду“ (Алма-Ата) за 1987–1988 гг.
- 9 TACC, 21 февраля, 1988 г. и Dzintra Bungis, „Restructuring the Republic Government: The First Phase“, RFE–RL, Radio Free Europe Research (Munich), Baltic Area Situation Report, SR/5/88, May 20, 1988.
- 10 „Ленинградская Правда“, 2 февраля 1989 г. Я хочу выразить признательность Блэйру Рублу, который обратил мое внимание на эту статью.
- 11 Леокадия Дробижева использовала это выражение, критикуя практиковавшийся в прошлом „слепо-национальный“ подход при найме на работу, а также в управленческих делах. См. „Московские Новости“ от 31 мая 1987 г.
- 12 См. утверждение Юрия Феофанова о том, что „никто, похоже, не собирается поставить под сомнение достоверность обвинения в „коллапсе идеологии“, „Московские Новости“, 18–25 июня 1989, стр. 3; Валентина Хардева-Алексеева. Трудовая молодежь в условиях экономической реформы, – „Общественные науки“, М., № 3, стр. 206–214, и, особенно: Владимир Шубкин. Трудное расставание, – „Новый Мир“, № 14, 1989, стр. 165–184.
О значении этих перемен см. Bohdan Nahaylo, „Change in Russian Views on the Nationality Problem?“ Radio Liberty Research, RL 456/88, Oct. 2, 1988; и Paul Goble, „Can Anyone Solve the Soviet Nationality Problem“, беседа в Kennan Institute for Advanced Russian Studies, The Woodrow Wilson Center, Washington, DC, January 23, 1989.
- 13 См. перспективный план советских исследований внутренних и зарубежных этнических проблем: „Вопросы истории“. М., № 9, 1987, стр. 97–118, и источники, там упомянуты.

14 Лучшие советские работы об этом разнообразии: М. Губогло, Интернационалистическое воспитание: достижения и насущные проблемы, — „Коммунист Молдавии”, Кишинев, № 11, 1987, стр. 45–53; П. И. Горяев. О причинах национальных манифестаций в советском обществе, — „Научный коммунизм”, М., № 9, 1988, стр. 40–46, Г. Пядухов. Межнациональные отношения: к анализу причин индивидуального негативного феномена, „Коммунист Киргизии”, Фрунзе, № 12, 1988, стр. 27–32; Ю. Бромлей, Национальные проблемы при перестройке, — „Вопросы истории”, М., № 1, 1989, стр. 24–41.

15 Предположение о возможности подобного рода „Ванден” впервые было выдвинуто „Комсомольской правдой” 17 июня 1988 г. и с тех пор много раз повторялось.

16 Это предположение было выдвинуто Эдгаром Сависааром, главой Народного Фронта Эстонии. В статье, опубликованной в „Радуге” (Таллин, декабрь 1987 г., стр. 56), он пришел к выводу, что радикальные перемены могут потребовать человека со стороны, который не будет привязан местными связями к старым методам. Короче говоря, даже Эстонии может понадобиться свой Колбин (который заменил Кунаева в Казахстане в декабре 1986 г.) для того, чтобы сдвинуться с мертвой точки.

17 О дискуссии относительно влияния размеров на поведение республики см. P. Goble, “Readers, Writers and Republics: A Structural Approach to Non-Russian Literary Politics”. “Soviet Nationality Problems under Gorbachev”. Edited by M. Beissinger and L. Hajda. Этот сборник вскоре выйдет в свет.

18 Украина является исключением в силу своей чрезвычайной важности для советской системы в целом. Наиболее ценные публикации по этой проблеме: Roman Solchanyk, “Lvov Authorities Begin Criminal Proceedings Against Ukrainian Activists”, Radio Liberty Research, RL 327/88, July 26, 1988; Bohdan Nahaylo, “Lvov Authorities Resort to Old Methods in Breaking Up Unauthorized Meetings and Religious Services”, — *ibid.*, RL 355/88, Aug. 13, 1988; and especially “Vitalii Korotich on Undemocratic Conditions in the Ukraine, on Sumgait and on Pamyat”, *ibid.*, RL 400/88, Sept. 5, 1988.

19 См. P. Goble, “Gorbachev and the Soviet Nationality Problem”.

20 См. специальный доклад Государственного департамента США, отдела информации и исследований, “Crisis in the Caucasus”, “Soviet Nationalities Survey”, Washington, DC, 15, 1988; 16, 1989.

21 Демонстрации интеллигенции в Киеве против Щербицкого были явно поддержаны Москвой, тогда как демонстрации во Львове против генерального секретаря явились ответом украинской номенклатуры, а демонстрации во время дополнительного раунда выборов народных депутатов выражали протест как против Горбачева, так и против Щербицкого.

22 См. P. Goble. Gorbachev and the Challenge of Russian Nationalism. “German-American Papers on the Gorbachev Reform Program”, Washington, DC., Kennan Institute for Advanced Russian Studies, 1989, pp. 129–133.

23 „Молодежь Эстонии”, Таллин, 3 января 1989.

24 „Молодежь Азербайджана”, Баку, 30 июля и 12 декабря 1988 г.

25 „Правда Востока”, Ташкент, 15 декабря 1988 г.

26 О роли, которую сыграло снятие Ельцина, см. „Молодежь Эстонии”, 18 октября 1988 г.

27 См. А. Пика, Б. Прохоров, Большие проблемы малых народов. — „Коммунист”, М., № 16, 1988 г., стр. 76–83; Е. А. Оборотова. Северные народы в современном мире. — „Советская Этнография”, М., № 5, 1988, стр. 146–151; „Известия”, 24 декабря 1987 г., 26 июня 1988 г., 15 ноября 1988 г., и, особенно, „круглый стол” в „Советской культуре” от 11 февраля 1989 г.

28 В. Железнов, Пути совершенствования советской государственной автономии, „Коммунист Татарии”. Казань, № 11, 1988, стр. 18–19.

29 О любопытном опыте сотрудничества евреев и таджиков см. „Комсомол-и-Таджикистан”. Душанбе, 6 января 1988 г.

30 См. примечание 22.

31 Создание специальной комиссии Политбюро, возглавляемой членом Политбюро и председателем Совета министров СССР Николаем Рыжковым для принятия мер по преодолению последствий землетрясения в Армении было объявлено 7 декабря 1988 г. В комиссию вошли: член Политбюро и секретарь ЦК КПСС Николай Слюньков, министр обороны Дмитрий Язов, Юрий Баталин и Лев Воронин – заместители председателя Совета министров СССР. См. международную службу ТАСС на русском языке от 7 декабря 1988 г.

